

ЭЛЕМЕНТЫ ТРАДИЦИОННОГО БЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО КОСТЮМА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИО-КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

ELEMENTS OF TRADITIONAL BELARUSIAN FOLK COSTUME IN THE CONTEXT OF MODERN SOCIO-CULTURAL PROCESSES

О. А. КОВРИК

O. KOVRİK

БГПУ имени М. Танка
Минск, Республика Беларусь
BSPU named after M. Tank
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: okovrik@list.ru

В сообщении говорится об эволюционных изменениях белорусского костюма на протяжении XX века и о включении элементов традиционного белорусского костюма в социо-культурное пространство современной Беларуси.

Ключевые слова: традиционный костюм; белорусский народный костюм; современный белорусский костюм; одежда; белорусская традиционная культура.

The report talks about the evolutionary changes in the Belarusian costume during the 20th century and the inclusion of elements of the traditional Belarusian costume in the socio-cultural space of modern Belarus.

Keywords: traditional costume; Belarusian folk costume; modern Belarusian costume; clothes; belarusian traditional culture.

Одной из основных задач традиционного народного костюма является социальная идентификация его носителя или носительницы как члена некоего сообщества, человеческого коллектива. Костюм многое сообщает о своем носителе заинтересованному глазу: откуда он (с каких территорий), кто он (какого рода, чей сын или дочь), сколько ему лет, чем он занимается (каково его занятие), какую роль он выполняет в обществе (семейный статус), какого он сословия, житель города или села? Традиционный костюм наглядно и без слов в предметно-символической и в образно-метафорической форме предоставлял окружающим

полную информацию о его владельце благодаря фасону, манере носки, цветовому строю, текстуре ткани, характеру и составу текстиля, форме и содержанию орнаментики, создавая, в целом, полный и законченный образ и в то же время – наглядно-визуальный коммуникационный контент. Он представлял его вниманию окружающих в целях обеспечения адекватного взаимодействия человека с окружающими людьми и достижения поставленных целей, в соответствии с его устойчивой социальной ролью и имущественным положением.

Ведь помимо биологически-адаптивной функции, направленной на «примирение» слабого человеческого существа с природой и приспособление к окружающей среде и природно-климатическим условиям жизни, костюм выполняет также и функцию социально-репрезентативную, направленную на обеспечение социальных связей и организацию плодотворного взаимодействия людей внутри человеческого коллектива. А основная ценность тесно связанного с природой, исповедующего языческие ценности мира наших предков – это изобилие и разнообразие ресурсов. Кто обладает большим их количеством, особенно материальных, тот и выше, сильнее, влиятельнее; и респектабельность его, то есть расчет на признание и уважение соплеменников, тем основательнее. У одежды, как известно, есть две стороны: прилегающая непосредственно к телу (мы называем ее изнаночной и прячем на ней мелкие изъязны ткани и хвостики от шитья) и смотрящая, наружу, повернутая к миру, «лицевая», или парадная. В традиционном костюме последняя наиболее декоративно насыщена и тщательно структурирована орнаментом. Она обращена «к миру» и содержит максимум данных о своем носителе. Вся информация, представленная таким образом через «одежный код», считывалась зрителями мгновенно без слов и тут же применялась в соответствии с коммуникационными задачами участников взаимодействия.

Универсальный характер состава костюма, его накладных элементов: кашули как его универсальной основы, портов/андарака (он же – спадница, сукня, панева), фартуха (для половозрелых женщин), пояса, онуч, головного убора, – а также материалы, пошедшие на его изготовление (лен, шерсть, сукно домашнего изготовления или выделки), единый тип орнамента (ромбовидный геометрический или растительный), а также единый характер его расположения на одежде (по краям, у ворота на шее и на груди, на плечах, у запястий) выделяли «своего», четко противопоставляя его «чужим». В то же время в костюме тонко нюансировались внутриродовые и/или региональные различия, что в случае с единым

балто-славянским этническим субстратом не имело принципиального значения по отношению к костюму иноверцев, людей пришлых, например, татар или иудеев.

Процессы социально-сословной трансформации и реинтеграции происходят, как известно, постоянно и непосредственно отражаются в одежде, а в XX веке они отличались немыслимой ранее скоростью и интенсивностью. Это прежде всего характерные для минувшего столетия урбанизация, разрыв устойчивых социальных связей и крушение традиционной сословной иерархии – в его первой половине, а затем ближе к концу – глобализация. Они внесли свои коррективы и в белорусский народный костюм. Укорачивание женских юбок, появление набивных мануфактурных тканей, яркие головные платки вместо наметок, высокие сапоги и шнурованные короткие ботинки на каблучках вместо традиционных онучей, гарсэты и жакеты в талию и т. д. ... А дальше – торжество мини, короткие рукава или их отсутствие, непокрытые волосы, брюки в женском гардеробе, обтягивающая одежда как «вторая кожа» и т. д. Торжество обнажения и сексуализация тела посредством одежды сменились гендерной унификацией. Унисекс, худи, джинсы, кроссы, бейсболки, полностью скрывающие лица капюшоны, универсальные стрижки, татуаж на самых неожиданных частях тела, экзотические пирсинги, порезы, накладки, цветные линзы, и вот уже гендерная принадлежность носителя такого костюма, его возраст, занятия, статус оказываются совершенно неразличимыми, неопределяемыми. Более того, длинные пышные волосы, яркий маникюр, крупные броские украшения, одежда в обтяжку становятся атрибутикой мужской части населения земли. Свойственная традиционному костюму четкость обозначения социальных маркеров, связанных, в первую очередь, с мифопоэтическими универсалиями союза мужского и женского начал как основы мира и залог его порядка, уходит, растворяясь в зыбучей, как движущийся песок, социо-культурной и гендерной неопределяемости его носителя. Такое социально-неопределенное «я» напоминает нам о «винтиках и колесиках» громадного механизма как отражении тоталитарного подхода к человеку, об отсутствии его значимости, потере уникальности. Люди – как муравьи, становятся одинаково-безличными, унифицированными социальными единицами. Нам хорошо известен этот принцип по литературной антиутопии XX века. С другой стороны, складывается впечатление, как будто социальный аспект жизни становится совершенно не важен людям, как будто бы не им, не этой своей стороной современный человек хочет быть представлен другим людям. Чем же тогда?

Обратной стороной процесса глобализации является, как известно, не менее интенсивный процесс культурной диверсификации, когда в рамках единого общего мирового культурного пространства и общего «одежного кода» проступают довольно отчетливо сформированные этнические, политические, религиозные, культурные, индивидуально-личностно оформленные предпочтения в одежде. Современный человек не всегда, но именно там, где и когда конкретно он хочет, рассказывает нам что-то очень личное о себе. И в своем костюме стремится подчеркнуть уникальность собственной личности, представить персональный код своей личной идентификации. Или же надежно скрыть его, сделать неразличимым для окружающих, намеренно утаить, сменить на несвойственный, присвоить и сделать своим хотя бы на время. Костюм и одежда становятся поводом к социальной игре, предлагая нам оценить богатство возможностей в переменах субличностей владельца.

Современный костюм игнорирует не только пол, но и возраст, а имущественный статус его носителя или подчеркивает самым вызывающим образом, нарочито выпячивает, откровенно демонстрирует, или игнорирует. Так проявляется третья функция костюма – быть средством и способом персональной соморепрезентации в зависимости от конкретной текущей ситуации. Современный костюм – это прежде всего, отражение переменчивых личных вкусов, настроения, а не только привычек, образа жизни и предпочтений его носителя. Он становится окказиональным (ситуационным), меняется в течение дня в зависимости от конкретного занятия, которому предается его носитель и может либо много чего либо вовсе ничего не сообщать нам об устойчивых характеристиках его владельца, точнее, носителя или пользователя. Ведь одежду принято часто менять, сдавать во «вторые руки», обменивать, регулярно обновлять, выбрасывая старую. Или намеренно не менять ее ассортимент, транслируя тем самым окружающим стабильность и устойчивость (вспомним о знаменитых серых футболках *С. Джобса*).

В традиционном костюме выделяются всего два варианта: парадный, ритуально-праздничный (на свадьбу и похороны один и тот же, из свадебного сундука с приданым) и повседневный, мало меняющийся даже от смены сезонов. В современном костюме не только городского, но и сельского жителя костюм может меняться до нескольких раз в день (в первую очередь, речь идет о его женском варианте, связанном с большей социальной мобильностью современной женщины) в зависимости от ее занятий. Сегодня допустимо и принято переодеваться несколько

раз в день, быть в одежде адекватной конкретной ситуации. Так, офисная черно/сине/белая «униформа» сменяется спортивной, если дама отправляется в тренажерный/гимнастический зал или бассейн, а потом меняется на вечерний костюм, если впереди – поход в концерт или театр. Отдых на природе требует особенной одежды, как и работа на земле, как и занятие домашней работой. Более активная смена и многообразие социальных ролей, свойственная сегодня человеку, активный ритм его жизни требуют регулярной смены образа посредством костюма. Или же полностью игнорируют таковую, демонстрируя презрение к авторитетам и безликим общеупотребительным нормам. Последнее свойственно подросткам, юношеству и старикам.

Современный костюм выделяет скорее изменчивые личностные предпочтения его владельца, нежели устойчивые социальные позиции, ведь наши роли меняются, и мы начинаем «играть» одеждой, примеряя на себя не только и не столько реальные жизненные роли, но и вымышленные, фантазийные, привлекающие как раз своим несовпадением с действительностью. С помощью одежды можно не только встроиться в окружающую реальность, но и выпасть из нее. Зачастую это делается намеренно, и лидеры здесь опять же – молодежь и подростки, ищущие свою идентичность. Сегодня концепция личности – это не одна устойчивая единица, но скорее множество сменяющих друг друга личин-субличностей, которыми мы становимся в разных ситуациях. И это потихоньку становится нормой.

Совершенно поменялся и статус современной вещи. Культ новизны отменяет устойчивое качество дорого, красиво и надолго сработанного изделия, например, сшитого на заказ костюма или пальто, которые прежде передавались по наследству от отца к сыну, а подвенечное платье – от матери к дочери. Сегодня срок жизни вещи, с одной стороны, стремительно укорачивается, а с другой стороны, популярность модного «винтажа», процветающий рынок «вторых рук» и одежды из рециклированных тканей является отражением очень модного эко-тренда и одним из наиболее популярных направлений современного фэшн-дизайна.

Современный костюм полон парадоксов. Сегодня одежда может быть и суперценна, и не иметь вовсе никакой цены, или точнее, бросовую, номинальную. В ней есть «вечные» ценности и дешевые одноразовые вещи. В современной западной Европе микс из вещей от масс-маркета и брэндовых аксессуаров – показатель хорошего вкуса и стиля. Там сегодня не модно выглядеть богатым, это расценивается как проявление

дурного вкуса и плохого воспитания, поскольку идет вразрез с демократическими традициями и гуманистическими ценностями европейской культуры. С другой стороны, погоня за модными брэндами, стремление надеть на себя все сразу самые дорогие торговые марки мира, желательно, этикетками наружу, а также едва ли не полностью обновлять свой гардероб к началу каждого сезона – устойчивый тренд, особенно на постсоветском пространстве и в арабско-азиатском мире, где одежда по-прежнему остается одним из важнейших показателей социального благополучия для значительной части общества.

Современный белорусский костюм эклектичен. Это проявляется и в способе его сборного комплектования, и в составе элементов. В отличие от наших предков мало кто шьет сегодня одежду для себя; зачастую это делается лишь для особого случая как символически значимый единократный творческий «жест». Именно благодаря этому принципу эклектичности обеспечивается персональная мультиидентификация его носителя. И благодаря ему же сочетание джинсов или юбки-карандаш с вышиванкой или спортивной курткой сегодня уже никого не шокирует. Вышиванка вновь вошла в нашу жизнь относительно недавно в отличие от наших западных соседей, для которых национальная самоидентификация через костюмный код стала делом принципа уже несколько десятилетий тому назад в период распада многонациональной советской державы.

Появление на нашем рынке вышиванок, выполненных из самых разных тканей, в том числе из трикотажа, или ее имитации в изделиях от масс-маркета с принтованными или машинным способом вышитыми национальными орнаментами указывает на активизацию самоидентификационных процессов личности современного молодого белоруса. Ведь вышиванки сегодня очень часто – одежда молодых или людей среднего возраста, для которых ношение вышитой сорочки – скорее акт личной воли нежели следование традиции; последнее было характерно для людей старшего поколения, которые скорее стремились уйти от крестьянской одежды в мир городской культуры. Для них вышиванка была скорее досадным напоминанием о собственном селянском (низком, угнетенном, бесправном, ограниченном в ресурсах) происхождении, нежели поэтическим символом национального возрождения. Память о генетическом родстве вышиванки с народной культурой у старшего поколения связывается с неценностью, а у молодых, в меньшей степени знакомых с нею – поднимается на щит. Именно отношение к собственным истокам

пролагает межу между представителями разных поколений нашего современного общества.

В современной вышиванке мало что напоминает о ее традиционном происхождении. В ее женском варианте часто появляется нехарактерные для традиционного костюма глубокое декольте, укороченный рукав или полное его отсутствие, более плотное прилегание к телу, визуальное подчеркивающее его сексуальную составляющую. Сама кашуля укорачивается, облегчается с точки зрения материала. Вместо плотного и тяжелого, «вечного» домотканого льна для ее изготовления сегодня используются и ситец, и хлопок, и сатин, и хлопково-смесовый трикотаж, и вискоза, и даже шелк. Что же напоминает нам в ней о традиционном костюме? Общая цветовая гамма и используемый для отделки тип орнамента, чаще всего, древнейший, ромбовидно-геометрический.

К сожалению, тенденция к политизации культурного кода делает свое черное дело. Традиционную символику красно-бело-черно/синего триколора, которая в мифо-поэтическом пространстве нашей традиционной культуры связывается с представлениями о единстве света и тьмы, добра и зла, жизни и смерти, любви и изобилия как основы мироздания [1], сегодня зачастую интерпретируют с точки зрения принадлежности к одному или другому политическому лагерю, что в целом, объяснимо, если бы не сопровождалось репрессивными мерами и запретами на ношение. Происхождение ромбовидного геометрического орнамента академик *Б. Рыбаков* связывал с глубокой первобытностью и проявлением охотничье-промысловой магии. Ведь оно, по его мнению, напоминало об узоре на среде кости убитого зверя: оленя, лося или даже мамонта [2; 3]. Но в ткачестве ромб – это еще и модификация круга, имеющего солярную знаково-символическую образность.

У наших предков, представителей земледельческой культуры, связанной с культом умирающих и воскресающих богов-растений ромбический орнамент с точкой внутри ассоциируется с засеянным полем, оплодотворенной матерью-природой, ожидающей урожая [4]. Он рассматривается как благопожелательный символ. Сегодня нашими специалистами в области семантики народной культуры разработаны целые таблицы символических значений, которыми наделяются различные вариации исходного ромбовидного знака, но все они объединены общим смыслом благопожелания изобилия, процветания и напоминают нам о глубокой взаимосвязи природы и человека, столь характерной для верований и жизни наших предков. Таким образом, сегодня как и всегда, человек, надевший выши-

банку, окружен магической защитой природных сил, он находится под надежной охраной предков. К сожалению, далеко не все наши сограждане, надевшие сегодня вышиванку, осознают глубоко сакральное значение ее символов, не все понимают их суть и значение, а также ответственность за себя и за свою землю, которую это подразумевает. Тем не менее, безусловно радует тот факт, что людей, желающих узнать об этом и тем самым прикоснуться к глубинным истокам и древним традициям нашего народа становится сегодня все больше.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Миронова Л. Н.* Цветоведение. Минск : Вышэйшая школа, 1984.
2. *Рыбаков Б. А.* Космогония и мифология земледельцев энеолита // Советская археология. 1965. № 1. С. 24–47; № 2. С. 13–33.
3. *Рыбаков Б. А.* Происхождение и семантика ромбического орнамента // Музей народного искусства и художественных промыслов. М. : Изобразительное искусство, 1972. С. 36–54.
4. *Амброз А. К.* Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // Советская археология. 1965. № 3. С. 14–27

СУПРЕМАТИЧЕСКИЙ КОНТЕНТ: ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ МАЛЕВИЧА

SUPREMATIST CONTENT: THE POSSIBILITIES OF MALEVICH'S FORMATION

Т. В. Котович

T. KATOVICH

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова

Витебск, Республика Беларусь

Vitebsk State University named after P. M. Masharov

Vitebsk, Republic of Belarus

e-mail: t.kotovich@yandex.by

В статье рассматриваются подходы к построению изобразительных систем УНОВИС. Программа, разработанная К. Малевичем основывалась на построении с помощью плоскостных форм, изучения цвета и его взаимодействия с геометрическими формами. В статье анализируются визуализация теоретических работ К. Малевича «О новых системах